

Глава третья Сто семнадцать: Рубильные руки "Ты смеешь!" Только тогда в ушах всех раздался гневный грохот, а в следующий момент на стороне мужа Чэнь Лана вдруг появился мужчина, полный холодных глаз.

В то же время, хулиган, который собирался сломать сухожилия руки мужа Чен Лана, вдруг обнаружил, что его рука, держащая нож, не подчиняется его команде, и он не мог пошевелить рукой так сильно, как он хотел.

Затем он увидел кое-что поразительное. Только для того, чтобы увидеть, как его рука, владеющая ножом, удивительно медленно покидает свое тело и падает на землю.

Боли не было, даже немного крови не вытекало, а напряженные мышцы в руке еще не рассеялись из-за скорости, все еще напоминающей маленький выпуклый холм.

"Снимите одну из ваших рук, это искупление!" Человек, который внезапно появился, сказал в холодном тоне: "И ты, один из вас, одной рукой, может катиться". Сказав это, мужчина холодно посмотрел вокруг, его лицо было полным ярости.

"Ах..." крик несчастья внезапно поднялся, только чтобы увидеть, что только что отломилась рука негодяя, внезапно вылилась струя крови, великое чувство боли не задело его сердце до тех пор.

"Фэн Ванци, ты вернулся". В этот момент дядя Мин, который был на больничной койке, внезапно позвонил, с некоторой эйфорией в его тоне, но больше это была глубокая тревога. Как только Чен Фенг вернулся, он отрубил чужую руку, что вызвало много неприятностей.

Оказалось, что человек, которого звали дядя Мин, был отцом Чена Фенга, Чена Минга. И что Чен Лан и его муж были сестрой и шурином Чена Фенга.

"Папа, сестра, шурин, не бойся, никто не тронет тебя сегодня со мной!" Чэнь Фэн помог парализованному мужу Чэнь Лана добраться до больничной койки, и в его руке внезапно появилась черная круглая таблетка, и, не дожидаясь реакции шурина Чэнь Фэна, засунул ее себе в рот.

Как только черная круглая таблетка была вдохнута, она растворилась в прохладной жидкости, которая стекала в горло. Сразу же, шурин, который скрипел зубами из-за болезненной раны, мгновенно почувствовал странную силу, протекавшую через его тело, и рана на его теле, которая изначально была так больна, что он скрипел зубами, больше не испытывала боли.

"Сяо Фэн", что это за штука, почему она такая волшебная? Я чувствую себя намного лучше". Брат спросил любопытно, как он почувствовал странный феномен на своем теле.

Чен Фенг не ответил, он просто проинструктировал: "Брат, я опаздываю, следующий, я все улажу".

Сказав это, Чэнь Фэн в очередной раз обратился к немногим Чэнь Даху: "Я скажу это еще раз, отруби себе руку, я отпущу вас обратно".

Возможно, ошеломленный предыдущим зрелищем, что Чэнь Даху с изумлением посмотрел на Чэнь Фэн, удивительно безмолвно. Но именно те немногие головорезы первыми закричали: "Малыш, сломай руку брату нашему, не можете сегодня уйти, братья, давайте срубим его!". Сказав это, он на удивление бросился в сторону Чэнь Фэна.

Как профессиональный придурок на дороге, жесткие разговоры услышаны. Поэтому они ни в коем случае не восприняли слова Чэнь Фэна всерьез. Хотя они и не понимали, как другая сторона отрезала руку брату, но только один человек не мог остановить группу из них, не говоря уже о том, что у них у всех были ножи.

Когда они порезали шурину Чэнь Фэна раньше, они все оставили по одной руке, и каждый порез был направлен на незначительную часть тела, поэтому, хотя это выглядело отвратительно и ужасно, ничего серьезного, пока кровотечение вовремя останавливалось, никто не был убит.

Но в этот момент Чен Фенг сначала отрезал руку брату, так что, естественно, они не проявили никакого милосердия.

Первоначально близко друг к другу, на два-три шага вверх, панки уже прибыли перед Чэнь Фэном, ножи в их руках либо режут, либо режут, без пощады!

"Раз уж ты не хочешь, я возьму это за тебя, за двойную порцию!" Наблюдая за тем, как группа муравьиных злодеев заряжается, издевательство в углу рта Чэнь Фэна становилось все толще и толще, а между его пальцами бесцветный и прозрачный меч qi протягивался беззвучно, издавая жужжащий свисток меча.

Пальцы Чена Фенга погладили наугад.

"Шу..." был слышен только свисток, и руки нескольких бросившихся оборванцев быстро расстались со своими телами. Тем не менее, эти хулиганы даже не заметили, и все равно бросились в глаза Чэнь Фэн безо всякой заботы в мире, но когда они начали сильно размахивать своими мечами, они вдруг обнаружили, что они больше не могут чувствовать присутствие своих рук.

"Бу-ху"

"Ах..."

В конце концов, они отреагировали, глубокое раскаяние, пульсирующее в их сердцах. Однако сейчас уже поздно сожалеть об этом. Интенсивная боль и прилив крови заставили их упасть на землю и "хныкать" и кричать.

Не обращая внимания на промокших кровью панков на земле, Чэнь Фэн холодными глазами посмотрел на Чэнь Даху и сделал шаг вперед: "Оставь руку себе, или будешь таким же, как они".

Чен Даху замер, сильное чувство страха делает его уже ошарашенным. Этот человек, которого он знает, не сын Чэнь Мина, Чэнь Фэн, с тех пор как он был ребенком, он всегда был никем, с чего вдруг он стал таким безжалостным? Я рубил столько рук сразу, что даже бровью не моргнул, это все еще человек?

Чэнь Даху, в панике, не мог не захотеть отступить, но упавший стул слегка споткнулся, весь человек "ударил" упал на землю. Пытается встать, но беспомощно находит свои ноги удивительно мягкими.

Как раз тогда мать Чен и три женщины, Ру Лань и Сяо Линь, которые бросились за ними, также бросились в палату. Только что на входе в больницу, Чен Фен вдруг нахмурился и

оставил несколько из них, бежать к стационарному отделению сам сначала несравненно быстро, очевидно, зная, что происходит в палате. К тому времени, как три женщины ворвались в палату в огне, они замерзли.

Только для того, чтобы увидеть землю, полную разбитых рук, пропитанную лужей крови, вместе с парой разбитых рук, полных плачущих дворняг. Это не палата, это адский самурай!

"Старик, что происходит?" Мать Чен решительно сопротивлялась рвоте и спешила спросить у отца Чена, в ее сердце таится дурное чувство.

Чен Фэн горько смеялся, его голос был так бессилён: "Увы, Фэн Вази в беде, это конец....." После этих слов он, казалось, был выкачан из всего тела и мягко упал на больничную койку. Это преступление - отрезать кому-то руку, а еще более преступление - нанести столько травм одновременно. Более того, если кто-то потерял слишком много крови, чтобы умереть, жизнь Чэнь Фэна может закончиться.

Как родитель, просто думая о последствиях, которые может испытать Чен Фэнг, он отчаялся.

И Ру Лань, и Сяо Лин тоже хмурились, но не говорили. Они не боялись, что с Чен Фэнгом что-то случится, и даже если Чен Фэнг был всего лишь второстепенной фигурой, с энергией двух из них, они легко могли решить этот вопрос.

Они хмурились, потому что родителей Чена Фэнга преследовали. Они знали, что Чен Фэнг не может навредить кому-то без всякой причины.

"Отруби себе руку и я тебя отпущу!" Лицо Чэнь Фэна все еще было покрыто холодным морозом, когда он холодно смотрел прямо на Чэнь Даху.

"Нет, нет!" Тело Чэнь Дау дрогнуло, а под его испуганным сердцем, удивительным образом, пульсировал бассейн мокрости.

"Фэн Ва Цзы, перестань делать глупости!" Тревога и беспомощность в ее сердце заставили сердце Чэнь Фэн сильно трепетать, как ни с чем не сравнимое чувство счастья наполнило его разум.

Он повернул голову, подарил маме сияющую улыбку и успокаивающе сказал: "Мама и папа, отныне я не заставлю вас больше страдать!". Сказав это, Чэнь Фэн медленно повернул голову снова, его лицо снова было покрыто морозом: "Последний шанс, отруби себе руку, и ты можешь идти".